

ОСТОРОЖНО! СМЫСЛОВЫЕ АТАКИ

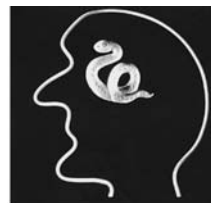
© 2015

Т.З. Адамьянц

События последнего времени в очередной раз подтвердили огромную роль систем коммуникации в современном мире: информационные потоки оказались мощнейшими катализаторами социальных и политических процессов. Глобальное информационное пространство стало не только ареной борьбы и противостояния содержательной информации, а также форм, методов и приемов ее создания и транслирования, но и, прежде всего, полем взращивания, проявления и распространения целеориентированных смыслов¹: и тех, что опираются на открытые средства убеждения, и основыванных на скрытых, манипулятивных приемах и методах. Последние сегодня приобрели особую роль: еще не так давно намерение манипулировать умами старались не декларировать и даже по возможности маскировать, а сегодня, например, в Англии или Украине уже открыто заявляют о намерении создавать службы информационного влияния [1].

Образно говоря, в современном информационном пространстве разыгрываются глобальные мистерии смысловых противостояний и смысловых атак. И хотя нацелены такие атаки на большие массы людей, — “коммуникативные снаряды” массового действия, фактически, проходят через каждый из индивидуальных умов целевой аудитории. Конечно, теоретически у человека есть возможность сделать самостоятельный выбор, дать самостоятельную оценку, принять самостоятельное решение, не становясь пешкой в чужой игре. Но это — теоретически. Без навыков понимания скрытых механизмов коммуникационных процессов, без умения “видеть” истинную *интенциональность* коммуникатора (по определению Т.М. Дридзе, — “равнодействующую мотивов и целей” [6, с. 16]) противостоять воздействию практически невозможно. Причин тому несколько.

Во-первых, любые формы коммуникации, тем более те, в которых использованы манипулятивные приемы, в значительной мере неявны: здесь необходимо ориентироваться не только в мире явно данных нам знаков и значений, но и в виртуальном мире смыслов (“между слов”, “между кадров”), проявляющемся только в сознании или реакциях человека.

**ГУМАНИТАРНАЯ
ЭКСПЕРТИЗА**

Адамьянц

Тамара

Завеновна —

доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН. В журнале “Человек” опубликовала статьи “Коммуникативные навыки личности” (2006. № 5) и “Заблудившиеся в социокультурной среде” (2014. № 3).
E-mail: tamara-adamiants@yandex.ru

¹ Согласно одному из основных положений семиосоциопсихологической концепции социальной коммуникации, в рамках которой выполнена настоящая статья, термины “смысл” и “интенциональность” коммуникативного акта являются синонимами.

Во-вторых, проблема понимания связана с индивидуальными особенностями “освоения” воспринятого, с тем, обладает ли человек достаточными коммуникативными навыками, насколько он способен ориентироваться в самих процессах коммуникации, чтобы понять истинные мотивы и цели коммуникатора.

В-третьих, формы и методы коммуникации, ориентированные на манипулирование, постоянно усложняются.

Наконец, в-четвертых, своеобразным “стимулом к непониманию” являются широко распространенные сегодня в сфере коммуникации научные концепции, связывающие феномен понимания не с осознанием “равнодействующей мотивов и целей” (интенциональности) коммуникатора, а исключительно с накоплением знаний, с навыками интерпретирования. Соответственно, методики преподавания и обучения не учат даже, казалось бы, “продвинутого” читателя/зрителя распознавать интенциональность коммуникатора и попытки манипулировать восприятием информации.

Остановимся на каждой из перечисленных позиций подробнее.

Виртуальности коммуникационных процессов. Виртуальность в той или иной степени присуща любым формам и способам коммуникации. Даже в простейших случаях использования/восприятия общезыковых значений необходимо либо “связать” в сознании объект с обозначающим его знаком, либо отождествить знак с объектом. Но в случае с изолированным словом это процесс линейный и легко прослеживаемый.

Гораздо большая доля виртуальности свойственна процессам создания/восприятия фраз, дискурсов, образов: там привычные значения способны модифицироваться благодаря контексту или другим средствам, приобретая новые качественные характеристики. К тому же в результате внутренних взаимодействий могут возникать и абсолютно новые значения. Отметим, что и здесь все процессы происходят в сознании человека, однако простая линейность, присутствующая в паре “знак—значение” усложняется, обогащаясь логическими, эмоциональными или эмоционально-логическими “вспышками”, обусловленными сложными взаимодействиями в связке “знак—значение—контекст—новое значение”. Соответственно, для понимания значений новых смысловых конструкторов (настолько виртуальных, что им и знака соответствующего, как правило, нет) реципиент должен пройти тот же ментальный путь, что и коммуникатор; при этом необходимо задействовать воображение, логику, иметь развитый эмоциональный мир.

Несравненно большая доля виртуальности — буквально, высшая математика для ума — требуется при восприятии различного рода художественных, публицистических и иных текстов, специально рассчитанных на то, чтобы оказывать сложное воздействие. Согласно отечественным разработкам в сфере коммуникации², любой целостный, завершённый коммуникативный акт имеет латентную многоуровневую мотивационно-целе-

² Имеется в виду семиосоциопсихологическая концепция социальной коммуникации, в рамках которой экспериментально доказано, что любой целостный, завершённый коммуникативный акт можно условно представить в виде многоуровневой иерархически организованной структуры коммуникативно-познавательных программ, ориентированных на смысловую доминанту, или интенциональность (“равнодействующую мотивов и целей”) данного коммуникативного акта. См.: [6; 8].

вую структуру (см. рис.1). Уровни такой структуры, в случае ее жизнеспособности, взаимодействуют между собой, подкрепляя и дополняя друг друга и работая на достижение желательного результата. Именно в этом последнем и кроется интенциональность, или *смысл* данного коммуникативного акта: именно результат воздействия, а не “чистое”, абстрактное содержание сообщения, и есть то главное, что коммуникатор *хотел передать* как на уровне осознаваемых/декларируемых целей, так и на уровне собственных неосознанных/скрываемых мотивов.

Понимание — это непростая интеллектуальная деятельность, особенно в тех случаях, когда надо понять целостный, завершённый коммуникативный акт (материал СМК, литературное произведение, устное выступление, телепередачу, кинофильм и т.д.): для такого понимания в сознании воспринимающей личности должна “выстроиться” виртуальная многоуровневая структура соподчиненных коммуникативно-познавательных программ, аналогичная той, которая латентно присутствует в самом коммуникативном акте. И мало того, что эта структура латентна, — она еще и нелинейна: в реальной последовательности восприятия элементы структуры, как правило, располагаются в прихотливом, одним лишь автором определенном порядке, а интенция чаще всего “прячется” между слов (строк, кадров, и т.д.), о ней приходится догадываться. Ментальный “маршрут” для достижения понимания, следовательно, должен быть столь же нелинейным. Успех понимания связан с неоднократным “перемещением” адресата по структурным элементам, с определением особенностей их

Т. Адамьянц
Осторожно!
Смысловые
атаки

Типовая
интенциональная
(мотивационно-
целевая) структура
целостного,
завершённого
коммуникативного
акта

³ В современных исследованиях восприятия смыслов традиционно выделяются три социоментальные группы индивидов: группа адекватного восприятия (высокий уровень коммуникативных навыков); группа частично адекватного восприятия (средний уровень коммуникативных навыков); группа неадекватного восприятия (низкий уровень коммуникативных навыков).

⁴ В проекте РФФИ “Развитие коммуникативных навыков личности в зависимости от степени диалогичности социокультурной среды” (2008–2010, опрощено более 800 человек, учитывались все возрастные категории) впервые были определены параметры социоментальных групп по степени восприятия художественных произведений: высокая — 25% аудитории; средняя — 47%; низкая — 28%.

⁵ Авторство этого утверждения приписывают Платону с его учением о трансцендентном мире идей как абсолютных и совершенных образцов возможных вещей. Однако впоследствии это утверждение распространилось и на общепринятое значение термина “идея” — “основная, главная мысль, замысел, определяющий содержание чего-либо” (см. Словарь Ушакова). В общепринятом значении употребляется в настоящей статье и термин “тезис” — как “положение, кратко излагающее какую-нибудь идею” (там же).

соподчиненности и взаимодействия, учетом социального фона и, как результат, с “воссозданием” исходящей от автора мотивационно-целевой структуры, вершиной которой является авторская интенциональность. Основной вектор поиска — апдуктивное [2] (от *андукции* — движения снизу — вверх) выдвигание и опровержение гипотез об авторской “равнодействующей мотивов и целей”. Поскольку гипотезы выдвигаются и опровергаются, происходит, как правило, несколько попыток (перемещений по мотивационно-целевой структуре), прежде чем наступает понимание, равноценное озарению, инсайту.

Но такого рода понимание может и не наступить. И не из-за недостатка знаний (когнитивной информации), но из-за отсутствия необходимых *коммуникативных навыков*, характеризующих привычный способ “освоения” воспринятого³. Как показывают наши исследования, смысл даже тех произведений, которые человек называет любимыми, повлиявшими на его мировидение, бывает понят далеко не всегда⁴. Тем сложнее понимать глубинные смыслы в тех случаях, когда коммуникация основана на скрытых, манипулятивных приемах.

Ментальные ловушки манипулятивной коммуникации. В материалах, используемых в информационных противостояниях, также можно выделить латентную структуру коммуникативно-познавательных программ, ориентированных на интенциональность коммуникатора (в роли последнего в данном случае выступают инициаторы/организаторы информационной кампании). Здесь процесс понимания еще сложнее: надо не только “увидеть” эту виртуальную многоуровневую структуру, но и оценить логичность и обоснованность внутренних связей между ее элементами, увидеть возможные несоответствия. Приходится оценивать, например, степень достоверности фактов, событий, приводимых в качестве иллюстраций к аргументам и тезисам; характер логических связей между аргументами и тезисами; соответствие между номинациями (формулировками) тезисов и их реальной сутью; наличие “второго дна”, точнее, “второй верхушки” — еще одной интенциональности, скрываемой за той, что декларируется. Надо ли говорить о том, что коммуникатор, использующий манипулятивные приемы, меньше всего стремится к адекватному пониманию аудиторией его мотивов и целей: в его интересах, чтобы как можно больше людей не заметили ментальных ловушек.

Что же это за ловушки? Рассмотрим некоторые из них.

Широко известен афоризм “миром правят идеи”⁵. Поскольку на судьбы мира, как известно, в разные времена влияли разные идеи, и не всегда благотворно, человечество выработало некие общезначимые солидарности — идеи и тезисы, утверждающие нормы и ценности цивилизованных, гуманных форм развития и взаимодействия [5]. Формулировки таких идей стали своеобразными кодами доверия, одобрения, поддержки, гражданской обязанности следовать им.

Современные смысловые противостояния внесли в применение общезначимых идей новые аспекты. Нередко это, если можно так сказать, идеи модифицированные: хотя смысловая нагрузка слов, которыми обозначают такую идею, несколько отличается от первоначальной, но при этом она претендует на прежнюю, уже привычную номинацию. Так, например, трансформировались первоначальные смыслы и значения терминов “свобода слова”, “демократия”, “гуманизм”, “толерантность” (перечень можно продолжать), узаконенных на уровне общечеловеческих солидарностей. Однако когда эти же термины используются для определения событий и действий, несущих иную смысловую нагрузку, порой и прямо противоположную — мы встречаемся фактически со своеобразным ментальным трюком — переносом обозначения (номинации) исходного смыслового конструкта на обозначение другого смыслового конструкта; и переносится не только первоначальное обозначение, но и вышеупомянутые психологические феномены доверия, одобрения, поддержки. Для этого могут создаваться и транслироваться “промежуточные”, порой, существующие на протяжении длительного времени, смысловые конструкты, исподволь разрушающие прежние стереотипы, ценностные ориентации, модели поведения и неназойливо создающие новые, желаемые⁶. Искаженные номинации идей, заявленные как основные мотивы и цели, то есть как уровень интенциональности, на самом деле, если обратиться к приведенной выше схеме типовой мотивационно-целевой структуры (см. рисунок), выполняют всего лишь роль тезисов, скрывающих еще одну, теперь уже подлинную интенциональность.

И все же даже те, искусственно созданные деструктивные смысловые структуры, на возвращение которых затрачивают огромные средства и усилия, не всегда дают эффект.

В последнее время часто приходится задумываться об ответственности ученого или художника перед обществом. У нас, конечно, свобода слова, мнений, мыслей, приверженности научным концепциям, а ученый или художник вправе считать себя гражданином мира, равно как и не задумываться о возможных социальных последствиях тех смысловых конструктов, которые он поддерживает или, тем паче, создает, продуцирует. Однако поскольку именно здесь, на уровне смыслов, зарождаются и берут свое начало очень многие социально значимые события и явления, лучше бы все же задумываться.

Особо актуальным в свете проблематики настоящей статьи представляется анализ влияния современных научных представлений о том, что такое смысл, на утвердившиеся в социуме формы и методы коммуникации.

Не сомневаюсь, что очень многие люди, наблюдающие за современными смысловыми противостояниями, неоднократно задавались вопросом: как оказывается возможным искажать значения очевидных фактов и суть общепринятых, общечеловеческих норм и ценностей? Очевидно, что ни один поли-

⁶ Технология изменений представления проблемы в общественном мнении известна как “окно Овертона”.

тик и ни один журналист не отважится на действия, поступки и утверждения, которые грозили бы поставить под вопрос его разумность. Но если то, что мы наблюдаем среди любителей манипулятивной коммуникации, не является массовым лишением разума (хочется надеяться, что это не так), то есть ли некие научные или этические опоры, оправдывающие нелогические и странные выверты сознания?

Такой опорой служат идеи постмодернизма и развившиеся в его рамках современные герменевтические концепции, декларирующие множественность и личностный характер смыслов [3]. Согласно этим концепциям, смысл возникает не столько в процессе создания текста (произведения, закона, общепринятой нормы), сколько в процессе его “потребления”. По мнению постмодернистов, текст видоизменяется при каждом новом прочтении и толковании; отсюда вывод — смыслов может быть неизмеримо много. Исследователей постмодернистского толка не интересует ни авторская личность, ни его интенциональность; модным стал термин “смерть автора”. Так, представители “идеологического направления” в рамках постмодернизма утверждают, что текст пишется общественными силами эпохи, в то время как деконструктивисты говорят, что текст создается последующими интерпретациями.

Перед нами оправданная научными концепциями возможность произвольных трактовок и приписывания новых значений и смыслов каноническим текстам, авторским произведениям, историческим событиям, реальным фактам [7]. Отсюда получают незримую поддержку разночтения и двойные стандарты в трактовке законов, решений, морально-нравственных норм и ценностей. Без новомодных научных концепций, провозгласивших “смерть автора”, то есть права интерпретатора игнорировать константные смыслы, а значит, и общечеловеческие солидарности, такого не было бы возможно в современном мире. Не оказалась бы возможной и тенденция к созданию смыслов деконструктивного влияния, которых немало в современной социокультурной среде, и, напротив, к замалчиванию и игнорированию смыслов и научных концепций позитивной направленности.

Идеи постмодернизма в настоящее время “правят бал” в научных направлениях, связанных с коммуникацией, педагогикой, журналистикой, культурой, искусством, в том числе в нашей стране. Так, качество образовательных мероприятий в сфере коммуникации и, соответственно, качество одной из важнейших характеристик менталитета современных учащихся в межгосударственных исследованиях, в которых участвует и наша страна, проверяется на основе герменевтических методов и подходов (имеются в виду программы PRILS, PIZA, на реализацию которых выделяются большие средства). Понимание связывается здесь с возможностью использования текста в практических, прагматических целях, а не с тем смыслом, который вкладывал автор в текст при его создании.

В семиосоциопсихологической концепции социальной коммуникации, разработанной в рамках российской академической науки, в противоположность широко распространенной идее множественности смыслов, смысл целостного, завершенного коммуникативного акта константен. Множественность смыслов и значений (относительно воспринятого текста, произведения и т.д.) характерна только для личностных “картин мира”, что естественно, закономерно и объяснимо, учитывая факт уникальности и неповторимости каждого человека. Адекватное восприятие связано с пониманием константного смысла (при праве не согласиться с ним). *Эффективная коммуникация связана с диалогом, который трактуется как взаимопонимание, “смысловой контакт”, интенциональная открытость между общающимися сторонами.*

Центр тяжести современных социальных процессов, от локальных до глобальных, сегодня как никогда связан с умением людей адекватно понимать и интерпретировать события, тексты, автора, друг друга при общении и взаимодействии. И поскольку число людей, владеющих таким умением, меньше, чем хотелось бы, в мире существует обширнейшее поле для манипуляций, обманов и необоснованных фантазий недобросовестных политиков, журналистов и авторов.

В заключение — оптимистическая нота. Как показывают эксперименты (пока немногочисленные), навыки адекватного восприятия поддаются совершенствованию [4], а это означает реальные возможности для расширения сферы разума и разумности.

Литература

1. Вести.ru. 31.01.2015 (16–35).
2. *Pierce Ch.* Collected papers. Vol. 6. Camb. (Mass.). 1956.
3. Адамьянц Т.З. Концепции понимания в коммуникации // *Общественные науки и современность*. 2014. № 4. С. 121–131.
4. Адамьянц Т.З. Массовое социоментальное развитие: миф или реальная возможность? // *Общественные науки и современность* 2012. № 1. С. 27–38.
5. Гофман А.Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // *Социальная солидарность и альтруизм: Социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования/Сб. науч. тр. Отв. ред. Д.В. Ефременко*. М.: ИНИОН РАН. 2014. С. 16–100.
6. Дридзе Т.М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // *Социальная коммуникация и социальное управление в эокантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах*. Кн. 1. М.: ИС РАН, 2000. С. 5–42.
7. Дридзе Т.М. От герменевтики к семиосоциопсихологии: от “творческого” толкования текста к пониманию коммуникативной интенции автора // *Социальная коммуникация и социальное управление в эокантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах*. Кн. 2. М.: ИС РАН, 2000. С.115–137.
8. Дридзе Т.М. *Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации*. М.: Наука. 1984.